

Г.Н. Курилов

DOI: 10.25693/SVGV.2020.32.3.012

УДК 811.554

О лексеме *хонмэрау* ‘камус’ в тундренном диалекте юкагирского языка

Этимологический анализ лексических единиц тундренного диалекта юкагирского языка, или вадульского языка, на букву Х зафиксировал внимание на раскрытии семантики лексемы *хонмэрау* ‘камус’ и однокоренных слов. Сравнительно-сопоставительный и структурно-морфологический анализ лексических единиц вадульского языка с чуванским и одульским языками выявил архаическое слово *хонмэ*, определил значение этимона *хон-*. При этом изучение этнонимов юкагирских племен или родов дало определенную этнографическую информацию. С выявлением семантики древнего корня *хон-* получили морфологическое уточнение лексемы с корнем *хан-*. Определены этимологические значения слов с этимоном *хон-*: *хонмэдауур* ‘вместилище для ног в меховом одеяле’, *хонмэраудугурчэ* ‘торбаса из оленьих камусов’; значения слов с *хон-~хан-*: *хануойидьаачэ~хонуойидьаачэ* ‘кочевник’, *хандьаачэ~хондьаачэ* ‘человек, занимающийся сватовством’, *хандаачэ~хондаачэ* ‘проводник’, ‘некто, сопровождающий кого-либо’ или ‘некто, делающий сопровождение кому-либо’. Сравнение языковых отличий вадульского языка (тундренного диалекта юкагирского языка) и одульского языка (лесного диалекта юкагирского языка), указало на их фонетические и лексические изменения. Данные языковые изменения, а также грамматические отличия в очередной раз дали основание утверждать о самостоятельности этих близкородственных языков.

Ключевые слова: вадульский язык, одульский язык, этноним, акающий говор, окающий говор, архаизм, этимон, фонетические изменения, лексические изменения, языковые отличия.

В настоящем этимологическом исследовании актуальность обусловлена тем, что живые диалекты юкагирского языка ныне квалифицированы, как самостоятельные языки. Тундренный диалект юкагирского языка можно обозначать как вадульский язык. Это название языка происходит от самоназвания юкагигов тундры Нижнеколымского района Якутии – *вадулов*. Лесной диа-

лект юкагирского языка, соответственно, одульский язык – от самоназвания *одул* (верхнеколымские юкагиры). Отметим, что семантика этнонимов *вадул* и *алайиш* рассмотрена нами при этимологическом исследовании тундренного диалекта юкагирского языка [Курилов, 2015, с. 104–106].

Основной целью настоящей статьи является этимологическое изучение лексемы *хонмэрау*

‘камус’ и других однокоренных слов, поиск и выявление этимона, определение исконного значения лексемы. Укажем, этимон – это древний корень, от которого произошло то или иное слово.

Особо отметим, что первоначально, до настоящего этимологического анализа, мы полагали, что *хонмэraw* ‘камус’ представляет собой только отдельное самостоятельно оформленное слово, но оказалось, что оно является сложным именем существительным, состоящим из компонентов *хонмэ* ‘нога’ и *raw>rawa<сawa* ‘шкура’. В нем совершенно непонятным было значение звуко сочетания *хонмэ*, но поскольку буквально *хонмэraw* обозначает ‘камус’ (т.е. ‘шкура оленьей ноги (лапы)’, отсюда логически архаизм *хонмэ* нужно было понимать как обозначение понятия ‘нога’. В современном вадульском языке данное понятие обозначается словом *угурчэ* ‘нога’, соответственно при этом вадульское слово *угурчэ* является обозначением еще понятия ‘обувь’: *Мэт угурчэ йаwдаба эл аawэйэнг* – ‘Из-за того, что болела нога, я не спала’; *Тэт угурчэ нудэ силбальэск!* – ‘Свою обувь высуши на улице!’

Значение рудимента *хонмэ* как обозначение только понятия ‘нога’ в вадульском языке тундренных (нижнеколымских) юкагиров подкрепилось выявлением сложного имени существительного *хонмэдаур*, состоящего из компонентов *хонмэ* ‘нога’ и *аур* ‘вместилище’, прикрепленных друг к другу соединительным согласным *д*. Этим сложным словом тундренные (нижнеколымские) юкагиры называют часть мехового одеяла, в которое засовывается голая нога человека во время сна ночью. Данная лексема буквально переводится как ‘вместилище одеяла для ноги’. Например: *Аawишба хонмэдаурэн льэл тадаа чингичэлмэн аawаарэ угурчэлэн сэwриэнунул* – ‘В одеяле мешочек (на конце одеяла) имеется, туда ночью, когда спишь, ноги засовывали’.

Кстати говоря, по словарю омокских и чуванских слов Ф.Ф. Матюшкина [Врангель, 1841], в омокском языке слову ‘нога’ соответствует лексема *ханма* [Курилов, 2003, с. 37]. Мы полагаем, что здесь, вероятно, допущена небольшая ошибка – видимо, слово это звучало так: *ханма* ‘нога’. Это омокское слово для нас важно еще тем, что оно дало две информации: во-первых, об «акающем» говоре омокского

языка, во-вторых, вероятно, об «акающем» говоре древнего языка, служившего основой формирования современного языка тундренных юкагиров, который и ныне является «акающим». В отличие от вадульского языка, одульский, (язык лесных юкагиров), является «окающим». Сравним: *сawба* ‘тарелка’, *чawул* ‘море’, *нада* ‘волк’ (Т) и *шобого* ‘тарелка’, *чобул* ‘море’, *нодо* ‘зверь’ (Л) и т.д.

Здесь с особой теплотой и радостью хочется сказать, что благодаря небольшому словарю омокских и чуванских слов, собранных лицейским другом великого русского поэта А.С. Пушкина Федором Федоровичем Матюшкиным, ставшим впоследствии адмиралом флота, мы узнали об омокском и чуванском языках. Эти собранные слова стали достоянием юкагирологов как неопределимо важные сведения об исчезнувших языках омоков и чуванцев в XVIII в. Напомним, что этот бесценный труд Ф.Ф. Матюшкина был опубликован в приложении книги Ф.П. Врангеля «Прибавления к путешествию по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенному в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годах».

Какими же еще сведениями располагаем о таинственных омоках и чуванцах и об их языках? Прежде всего отметим, что этноним *омок* является истинно юкагирским со значением «название этнической принадлежности», т. к. *омо* означает ‘народ’: *Мэт омо – wадулэн* – ‘Моя национальность – wадул’ (скажет тундренный юкагир) (Т); *Мэт омо – одулэн* – ‘Моя национальность – одул’ (скажет лесной юкагир) (Л); *Мэт алайиш нодьэн* – ‘Я есть алайи’ (ответит тундренный юкагир о своей родовой или племенной принадлежности) (Т); *Мэт хабишэ шоромобат нондьэн* – ‘Я происхожу от людей рода (или племени) Воронов’ (ответит лесной юкагир) (Л).

Но тут возникает вопрос: почему какая-то группа юкагиров себя называла омоками? Насколько нам известно, на ярмарке в г. Среднеколымске омоками, точнее – омуками (по якутски), называли юкагиров и чукчей, в отличие от эвенов, которых называли *тонус*.

Поэтому, вероятно, в тех местностях, где проживало разноплеменное население, во время переписи юкагироязычные племена, отделяя себя от соседей чукчей, тунгусов – ламутов,

якутов и русских, назывались омоками, и, возможно, поэтому мы имеем такие сведения про род омоков на реках Анюй на Чукотке. А в одном сборнике переписи конца 20-х гг. XX века в отчете о Якутии даже написали, что в Олеринском наслеге Нижнеколымского района Якутии были обнаружены исчезнувшие омоки. Далее было написано, что они носили фамилию Катаевых. На самом деле это была группа людей, именуемая себя эвенами *илкэн* (*илкан* ‘настоящий, истинный человек’). Но мы считаем, что они были потомками *хододьыл* (они так отличали свою родовую принадлежность). А этноним *хододьыл* юкагиров – переселенцев с берегов Охотского моря происходил от *ходонджи* ‘люди племени *ходол*’ (*ходол* ‘лодка’, ‘челнок’, ‘ветка’) [Иохельсон, 2005, с. 465]. Они, как и усть-янские юкагиры, забыли родной язык и общаются на эвенском, якутском и русском языках. Также сведения о восьми родах омоков можно прочесть в книге барона фон Майделя [Майдель, 1894].

А теперь рассмотрим, какие сведения мы имеем о чуванцах. Напомним, что этноним чуванцы произошло от юкагирского чуванского слова *чуванджи* – сложного слова, которое состоит из первого компонента, являющегося атрибутивной формой слова *чувал* ‘море’ и второго компонента *-чжи* <*-дьи* <*-чи* ‘люди’. Все образование переводится как ‘поморы’ – буквальный перевод: ‘морские люди’ (т.е. ‘люди моря’). При рассмотрении чуванского диалекта, согласно словарю Ф.Ф. Матюшкина, предполагаем, что их язык являлся «акающим».

Чуванцы обрусели еще в XVIII в., сейчас чуванцы-оленеводы знают еще по-чукотски. Они живут не только на Чукотке, но и в поселке Марково Магаданской области. Их численность, по последней Всесоюзной переписи, составляет 2,5 тысячи человек. В одной из своих работ, а именно в капитальном труде «Лексикология современного юкагирского языка», мы писали свое мнение об омокских и чуванских языках в их отношении к колымскому и тундренному диалектам юкагирского языка. Там мы отмечали, что имеются сходные лексические единицы, сближающие их в какой-то степени с тундренным диалектом, нежели с колымским диалектом юкагирского языка [Курилов, 2003, с. 36]. От этого своего мнения мы не отказываемся. Поэ-

тому, оставив эту тему, приступим к непосредственному этимологическому анализу первого компонента сложного слова *хонмэрау* ‘кабус’.

Архаизм *хонмэ* ‘нога’, сохранившийся в составе сложных слов *хонмэрау* ‘кабус’ и *хонмэдауур* ‘вместилище для ног в меховом одеяле’, *хонмэраудугурчэ* ‘торбаса из оленьих камусов’ [Курилов, 2001, с. 522], состоит из древнего корня *хон-* и словообразовательного форманта *-мэ* со значением предметности. Поскольку *хонмэ* в древности употреблялось для обозначения понятия ‘нога’, рудимент *хонмэ* буквально можно перевести как ‘часть тела для передвижения по земле’. Отсюда следует, что буквальный перевод *хонмэрау* ‘кабус’: ‘шкура ноги (лапы)’: *Илэн хонмэрауѳанэ өмгэги кэврэлэн угурчэлэк шиэнунгумлэ* – ‘Оленьего камуса мездру сняв, обувь делают’.

Перевод слова *хонмэ* как ‘часть тела для передвижения (по поверхности земли)’ считаем правильным и необходимым. В процессе определения этимона *хон-*, его обобщенного абстрактного значения ‘передвижение по земле’ и дальнейшего поиска слов с данным корнем в материалах В.И. Иохельсона по языку верхнеколымских юкагиров выявился глагол с корнем *хон-* ‘выходить’ [Иохельсон, 2005, с. 466].

Поэтому мы поспешили спросить у П.Е. Прокопьевой, знающей язык верхнеколымских юкагиров (и продолжающей им овладевать при помощи знатока языка Л.Н. Деминой), об этом слове. Она сообщила, что в колымском диалекте такой глагол употребляли в речи при сообщении о поездке на участок, находящийся недалеко от говорящих. Так говорили будто бы тогда, когда надо было ехать или кочевать на небольшое расстояние. В связи с этим сообщением П.Е. Прокопьевой мы понимаем, что словарная единица *хануойидьаачэ* ‘кочевник’ [Курилов, 2003, с. 509] и однокоренные ей слова должны были писаться через [о] после начального фрикативного [х], а именно, как *хонаа-* (3 л. *мэ хонаай*; *хонаал*) ‘кочевать’, *хонуойи-* (3 л. *мэ хонуойий*; *хонуойил*) многокр. от *хонаа-*, *хонуойийуол-* (3 л. *мэ хонуойибуонь*, *хонуойибуолэл*) ‘быть любителем почаще кочевать’ и т.д. Однако в «Юкагирско-русском словаре» и всех современных юкагирских текстах надо сохранять разговорные варианты: *хануойидьаачэ*, *ханаа-*, *хануойи-* и т.д.

Надо особо подчеркнуть, что у юкагиров Нижней Колымы понятие ‘нога’, ‘лапа’ обозначалось ныне архаичным словом *хонмэ*. В нем, в отличие от современного вадульского *угурчэ* 1. ‘нога’, 2. ‘обувь’, отсутствовало значение ‘обувь’.

Однако повременим с этимологическим анализом нарицательного имени существительного *угурчэ*, а рассмотрим однокоренные, по нашему мнению, лексические единицы с архаичным словом *хонмэ* ‘нога’. Мы полагаем, во-первых, что словарные единицы *хандэ-* (3 л. мэ *хандэм*; *хандэл*) ‘проводить’, ‘сопровождать’, *хандаачэ* ‘проводник’, ‘сопровождающий кого-л.’, *хондьяа-* (3 л. мэ *хондьяай*; *хондьяал*) 1. ‘свататься’, 2. ‘отрабатывать калым в семействе невесты’, *хондьяачэ* ‘человек, идущий свататься’ в инициале должны писаться через *хон-*, а не *хан-*, как в «Юкагирско-русском словаре», зафиксировавшем приведенные слова [Курилов, 2003, с. 507–508]. Так они были приведены при произношении нашими информаторами. Этому правила надо придерживаться и в будущем. Здесь мы указываем на это лишь в научном, этимологическом анализе данных слов с целью уточнения их происхождения. Во-вторых, у приведенных лексических единиц корень *хон*= означает ‘двигаться’, ‘передвигаться (по земле)’.

Нарицательное имя существительное *хонуойидьяачэ* ‘кочевник’ прежде всего распадается на производную глагольную основу *хонуойидьяа-* (3 л. мэ *хонуойидьяай*; *хонуойидьяал*) ‘заниматься кочеванием’ и словообразовательный формант *-чэ*. *Хонуойидьяа-* распадается в свою очередь на глагольную основу *хонуойи-* и словообразовательный формант *-дьяа*. Далее основа *хонуойидьяа-* разделяется на основу *хонуойидьи-* (3 л. мэ *хонуойидьай*; *хонуойидьил*) многократно продуцированной от глагольной основы *хонуойи-* (3 л. мэ *хонуойий*; *хонуойил*) многокр. от *ханаа-* (3 л. мэ *ханаай*; *ханаал*) ‘откочевать’ [Курилов, 2003, с. 507]. Буквальный перевод всего образования выглядит так: ‘некто, постоянно, многократно занимающийся кочеванием’. Например: *Хонуойидьяачэлэк хануойий кэдэлэн моннунгумлэ* – ‘Кочевником называют того, кто кочует’.

Нарицательное имя существительное *хондьяачэ* ‘жених, отрабатывающий свой калым в семействе невесты’, ‘человек, занимающийся сватовством’, образованное от глагольной осно-

вы *хондьяа-* (3 л. мэ *хондьяай*; *хондьяал*) 1. ‘свататься’, 2. ‘отрабатывать калым в семействе невесты’ и именного деривата *-чэ*, продуцировано от глагольной основы *хондьи-* (3 л. мэ *хондьий*; *хондьяил*) многокр. от основы *хон-* (3 л. мэ *хонни*; *хоннул*). Данное имя существительное буквально можно перевести словами ‘некто, многократно ходящий свататься’ или ‘некто, много раз отрабатывающий калым в семействе невесты’: *Тангниги чупчэн кэдэ митинь хондьяачэ голдэн эврэй* – ‘В то время у нас чукча ходил как жених’.

Нарицательное имя существительное *хондьяачэ* ‘проводник’, ‘сопровождающий’ состоит из деривативного форманта *-чэ*, который развивает значение производной глагольной основы *хондаа-* (3 л. мэ *хондаай*; *хондаал*) *неперех.* ‘быть провожатым’, ‘сопровождать’, продуцирован от глагольной основы *хондэ-* (3 л. мэ *хондэм*; *хондэл*) *перех.* ‘сопровождать кого-либо’. Буквальный перевод данного имени существительного: ‘некто, сопровождающий кого-либо’ или ‘некто, делающий сопровождение кому-либо’: *Тэн мэт хондьяачэ голдэн тунг пэлдудиэ кэчимэн* – ‘Вот я как проводник этого старика привел сюда’.

На этом этапе исследования мы обязаны со всей категоричностью констатировать, что в недавнем, видимо, прошлом, в языке тундренных юкагиров происходило целенаправленное изменение не только лексической, но и грамматической системы языка. Одним из примеров этой реорганизации лексического состава языка является нарицательное имя существительное *хонмэ* ‘нога’, образованное от древнего корня *хон-* [в 3 лице единственного числа: *хонни* ‘ходил-он’].

Архаизм *хонмэ* ‘нога’ ныне сохранился лишь в составе трех сложных имен существительных: *хонмэрау* ‘карус’, *хонмэдауур* ‘часть одеяла, куда засовывается нога (во время сна ночью)’, *хонмэраудугурчэ* ‘торбаса из оленьих карусов’. Глагол *хони* ‘идти’, ‘уйти’ сохранился лишь в языке лесных (верхнеколымских) юкагиров [Николаева, Шалугин, 2002, с. 77]. В современном языке тундренных юкагиров Нижней Колымы вместо *хонмэ* употребляется слово *угурчэ* 1. ‘нога’, 2. ‘обувь’. Оно образовано при помощи деривативного аффикса *-чэ* от основы *уу-* (3 л. мэр *ууй*; *уул*) *неперех.* ‘идти’, *эгуу--эгуорэ-* ‘поставить ногу’ [Курилов, 2003, с. 584].

При этом необходимо сказать, что основа *уу-* в прошлом произошла от звукосочетания *угу-*, также как долгое гласное [и] в слове *шиги-+йэ* ‘веревка’ (ср. *ширэ-* (3 л. мэр *ширэм*; *ширэл*) *перех.* ‘привязать’). А вот слово *шисии* 1. ‘вымя’, 2. ‘молоко’ произошло от *шивисэ-* (3 л. мэр *шивисэм*; *шивисэл*) *перех.* ‘дать сосать’. Сравним, у лесных юкагиров *ибииши* 1. ‘вымя’, 2. ‘молоко’.

Рассмотрим однокоренные слова с основой *уу-* ‘идти’, см. *уусэ-* (3 л. мэр *уусэм*; *уусэл*) *перех.* ‘отнести что-либо куда-либо’. Или возьмем основу *уучиш-* (3 л. мэр *уучич*; *уучишл*) *неперех.* ‘пройти через какой-либо пункт до следующего пункта’. Мы полагаем, что первоначально эти слова звучали как: *угусэ-*, *угучиш-*. В связи с первой основой напомним, что некоторые тундренные юкагиры говорят *угусчэ* 1. ‘нога’, 2. ‘обувь’, а не *угурчэ*. В общем надо прямо сказать, что новое обозначение понятия ‘нога’ построено по тому же принципу, что и архаизм *хонмэ*. Оба эти слова можно буквально перевести так: ‘то, что помогает передвигаться (по земному пространству)’: *Чавлабандэ вадуллэ угурчэлэк илэлэ иэриэнунна* – ‘Северные юкагиры пешком оленей пасут’.

В одульском языке словом *угурчэ* обозначают понятие ‘лыжи, обернутые мехом’ [Николаева, Шалугин В, 2002, с. 71]. Также в языке лесных юкагиров существуют слова *нойл* ‘нога’ [Николаева, Шалугин, 2002, с. 48] и *мурэ* ‘обувь’ [Николаева, Шалугин, 2002, с. 45]. Как видим, и в прошлом, и в настоящем времени имелась существенная разница в обозначении ног и обуви.

Эти сведения из языка лесных юкагиров нам сообщила П.Е. Прокопьева. Еще она сообщила, что у них тополь почему-то называют *угурчэраа* [Николаева, Шалугин, 2002, с. 71], на что мы тут же ответили, что из тополя изготавливают лыжи. Заметим, что такие слова с названными значениями в современном языке тундренных юкагиров не существуют или же утеряны. Отметим, что в работах исследователей по истории и археологии имеются сведения о предметах юкагирской материальной культуры. В одной из статей исследователя истории и культуры юкагиров Л.Н. Жуковой описывается древняя юкагирская обувь [Жукова, 2019, с. 28].

Надо особо отметить, что в ныне живых языках юкагиров постоянно происходят заметные

изменения в фонетике, морфологии, синтаксисе и в словарном составе. Такие изменения, по нашим наблюдениям, особенно активно происходили в вадульском языке. Приведем лишь несколько фактов из материалов одульского языка. Так, если в XIX веке В.И. Иохельсон зафиксировал такие слова, как *одьи* ‘вода’, *чубодьэ* ‘сердце’, *адьуу* ‘язык’ [Иохельсон, 2005], то в современном одульском языке звук [дь] везде заменен звуком [ж] – соответственно *оожии* ‘вода’, *шубэдьэ* ‘сердце’, *ажуу* ‘язык’ [Николаева, Шалугин, 2002] и т.д. В словарном составе одульского языка лексема ‘старуха’ обозначается русским заимствованием *тэрикэ*, в вадульском языке говорят *апаналаа* ‘старуха’: *Одуллэ апаналаалэ моннунги «тэрикэ» – таби «старуха» годьэ аруулэ одун аруулэк пулгэрэйуолэн* – ‘Одулы старуху называют «тэрикэ» – от слова «старуха» выведенное слово’.

Приведенные примеры в звуковом и словарном составе языка юкагиров Верхней Колымы указывают на то, что в нем происходили заметные изменения, но в грамматической системе существенных и качественных новых изменений не наблюдалось. Укажем, что отличием языка тундренных (нижнеколымских) юкагиров является система морфологического выражения логического ударения.

Здесь, немного отступая от основной темы, рассмотрим, что привнесено было в грамматическую систему вадульского языка. Это прежде всего обнаруженная в 30-е годы XX столетия Е.А. Крейновичем система морфологического выражения логического ударения в языке тундренных (нижнеколымских) юкагиров [Крейнович, 1958]. Суть системы морфологического выражения в следующем: 1) если в разговорной речи говорящий логически хочет выделить предикат сообщения, то предикатом появляется утвердительная частица *мэ* (когда предикат начинается с согласного звука) и *мэр* (когда предикат начинается с гласного звука): *Мэт мэ кэлуйэн* – ‘Я именно пришел’; *Мэт, Егор мэ кэлуйэн* – ‘Егор (я) пришел’; *Мэт мэр өрньэйэн* – ‘Я именно кричал’; *Мэт, Егор мэр өрньэйэн* – ‘Я, Егор, именно кричал’.

Если говорящий логически хочет выделить подлежащее, то личное местоимение 1 и 2 лица оформляется суффиксом *-эк*, а имя существительное интонационно выделяется. В таком со-

общении предикат стоит в форме на -(у)л: *Мэтэк кэлул* – ‘Именно я пришел’; *Мэтэк, Егор, кэлул* – ‘Именно я, Егор, пришел’.

Если подлежащим служит нарицательное имя существительное, то оно оформляется суффиксом -лэн: *Иллэн кэлул* – ‘Именно олень пришел’ (*илэ* ‘олень’).

Если же говорящий логически хочет выделить прямое дополнение, то оно оформляется суффиксом -лэн (если дополнение состоит из одного нарицательного имени существительного): *Пуогэрэхат альбалэн кэчимэк* – ‘Из погребка именно рыбу принес’.

Если же прямое дополнение является именным словосочетанием, то определяемое нарицательное имя стоит в форме на -к: *Пуогэрэхат чаахандэ альбак кэчимэн* – ‘Из погреба именно мерзлую рыбу принес’.

Вообще надо сказать, что подлежащее – именное словосочетание под логическим ударением, как и сложное слово, оформляется суффиксом -к: *Ньяавэй лаамэк кэлул* – ‘Именно собака белой масти пришла’; *Ан мэт адаа чуоду-расаак абуолэл* – ‘Вдруг (вижу) там стоит железная ураса’; *Коля тадаат чуондолишк мэньмэлэ* – ‘Коля именно железную трость взял оттуда’.

Эти последние факты оформления суффиксом именных словосочетаний примечательны тем, что говорят о словосочетании *маархан лаамэк* ‘одна собака’ или *ньяавэй лаамэк* ‘белая собака’ как о конкретном (определенном) предмете и в этом смысле они, как и местоимение *мэт* в форме на -к (*мэтэк* ‘именно-я’), указывают на единичность и предметность, конкретность предмета разговора.

А это приводит к теории о номинативной и сигнификативной функциях имен существительных. Проявлением этой теории в юкагирском языке является то, что собственные имена, как названия единичных предметов (в широком понимании этого слова), никогда не оформляются суффиксом =н в роли атрибутивного члена именных словосочетаний. Наричательные же имена существительные ведут себя двояко: в одних случаях они не оформлены суффиксом -н (*илэ йауул* ‘след оленя’), в других случаях они стоят в форме на -н (*илэн йауул* ‘олений след’) [Курилов, 1977]. Отметим, что юкагиры, конечно же, думали просто. Впервые, они считали, что *Көндиеэ, Хальархаа* и

др. связаны как собственные имена с конкретным человеком, а слово *илэ* ‘олень’ в одних случаях выступает как обозначение одного конкретного оленя, в других случаях – как название оленей в общем как множества.

Здесь надо заметить, что система морфологического выражения логического ударения в грамматической системе одульского языка не обнаружена. Несмотря на то, что несколько статей по грамматике данного языка сделал сам Е.А. Крейнович. Он, как говорили выше, такое открытие сделал на материалах вадульского языка.

Таким образом, в результате сравнительно-сопоставительного, структурно-морфологического анализа лексемы *хонмэрав* ‘кабус’ и др. однокоренных слов, определился этимон *хон*=, обозначающий понятия: ‘двигаться’, ‘передвигаться (по земле)’. Понятия ‘нога’, ‘лапа’ обозначались архаичным словом *хонмэ*, в котором отсутствовало значение ‘обувь’. Поэтому рудимент *хонмэ* буквально можно переводить как ‘часть тела для передвижения (по земле)’.

Итак, сложные имена существительные определяются следующим образом: *хонмэрав* ‘кабус’ – ‘шкура ноги (лапы)’, *хонмэдауур* – ‘вместилище для ног в меховом одеяле’, *хонмэравдугурчэ* – ‘торбаса из оленьих камусов’. Этимологическое значение лексем *хануойидьяачэ~хонуойидьяачэ* ‘кочевник’: ‘некто, постоянно, многократно, занимающийся кочеванием’, *хандьяачэ~хондьяачэ* ‘жених, отработывающий свой калым в семействе невесты’, ‘человек, занимающийся сватовством’: ‘некто, многократно ходящий свататься’ или ‘некто, много раз отработывающий калым в семействе невесты’, *хандаачэ~хондаачэ* ‘проводник’: ‘некто, сопровождающий кого-либо’ или ‘некто, делающий сопровождение кому-либо’.

Утверждение о самостоятельности вадульского языка (тундренного юкагирского) и одульского языка (лесного юкагирского) как близкородственных языков в очередной раз обосновывалось на анализе фонетических, лексических и грамматических изменений, определенных языковых отличий.

Сокращения

- (Т) – тундренный диалект юкагирского языка
(Л) – лесной диалект юкагирского языка

Литература

Жукова Л.Н. Кросскультурные контакты в древней истории юкагирского народа // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2019. – № 3 (28). – С. 26–40.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. – Новосибирск: Наука, 2005. – 680 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Т. 5).

Крейнович Е.А. Юкагирский язык. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. – 288 с.

Курилов Г.Н. Лексикология современного юкагирского языка (Развитие лексики и роль в нем якутского языка). – Новосибирск: Наука, 2003. – 288 с.

Курилов Г.Н. Сложные имена существительные в юкагирском языке. – Л.: Наука, 1977. – 120 с.

Курилов Г.Н. Термины родства, отражающие древнюю культуру тундренных юкагиров // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2019. – № 2. – С. 218–222.

Курилов Г.Н. Этимологическое значение юкагирских этнонимов *вадул* и *алайи* // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 10 (52): в 2-х ч. Ч. 1. – С. 104–106.

Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2001. – 608 с.

Майдель Г.Л. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868-1870 годах / Пер. с нем. В.Л. Бианки. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1894. 599 с. – (Прил. к LXXIV т. Зап. Имп. Акад. Наук. № 3).

Матюшкин Ф.Ф. Собрание слов чуванского и омокского языков // Врангель Ф.П. Прибавления к путешествию по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенному в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годах. – СПб., 1841.

Николаева И.А., Шалугин В.Г. Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский (Верхнеколымский диалект). – СПб., 2002. – 224 с.

G.N. Kurilov

About the Lexeme *Honmeraw* ‘*Kamus*’ in the Tundra Dialect of the Yukagir Language

The etymological analysis of the lexical units of the tundra dialect of the Yukagir language, or the *Wadul* language, on the letter [X] fixed attention on the disclosure of the semantics of the lexeme *honmeraw* ‘*kamus*’ and cognate words. Comparative-contrastive and structural-morphological analysis of lexical units of the *Wadul* language with the *Chuvan* and *Odul* languages revealed the archaic word *honme*, determined the meaning of the etymon *hon=*. At the same time, the study of the ethnonyms of the Yukagir tribes or clans gave certain ethnographic information. With the identification of the semantics of the ancient root *hon=*, a morphological refinement of the lexeme with the root *han=* was obtained. The etymological meanings of words with etymon *hon=* have been determined: *honmedawur* ‘a container for feet in a fur blanket’, *honmerawdugurche* ‘torbasa from reindeer *kamus*’; meanings of words with *hon=* ~ *han=*: *hanuoyidaache* ~ *honuoyidaache* ‘nomad’, *handyaache* ~ *hondyaache* ‘a person engaged in matchmaking’, *handaache* ~ *hondaache* ‘guide’, ‘someone accompanying someone’ or ‘someone accompanying someone’. Comparison of the linguistic differences between the *Wadul* language (the tundra dialect of the Yukagir language) and the *Odul* language (the forest dialect of the Yukagir language) indicated their phonetic and lexical changes. These linguistic changes, as well as grammatical differences, once again gave grounds to assert the independence of these closely related languages.

Keywords: *Wadul* language, *Odul* language, ethnonym, accent dialect, occult dialect, archaism, etymon, phonetic changes, lexical changes, language differences